

Фото Сергея ИВАНОВА

НЕДАВНО Сергею Маковецкому вручили первую в его жизни театральную премию. Да-да. Киношных наград у актера масса, а "Чайка" за роль Коврина в "Черном монахе" (спектакле, отмеченном также премией за лучшую режиссуру) - первая в его жизни крупная награда за сценическую деятельность, двадцатилетие которой он вскоре отметит.

аргументы и факты - 2000 - апр. (№14) - с. 24

Сергей Маковецкий:

«Пока я на сцене - я не боюсь смерти»

Акт первый

...Актёрство - это совершенно гениальная профессия. Профессия, которая помогает человеку выстоять. Это немного выпренок звучит, но это действительно так. Ведь у каждого человека существуют кризисные периоды. Существует кризис среднего возраста, кризис старшего возраста, существует кризис таланта, потому что талант тоже устаревает... У актёра при столкновении с ними есть великое преимущество. Он имеет возможность трансформировать свою жизнь в жизнь героя. И так освободиться.

- Я тут прочла, как Михаил Чехов играл Гамлета: зал рыдает, прозвучал самый трагический монолог, а Чехов, только что умиравший на сцене, вбегает за кулисы, весело подмигивает костюмерше и, мгновенно преобразившись, корчит рожицы: "Ну как?"

- Я это очень понимаю. Потому что если актер живой, не в шорах, то он, естественно, находится чуть-чуть за своим героем. Это не значит, что я неискренне произношу его текст. Нет, у меня болит за него душа, учащается сердцебиение и поднимается давление. Но при этом я вижу, как женщина в зале полезла в сумку и достала оттуда третий платок. Вижу. И мне это доставляет удовольствие... Зритель и актер - это же такой потрясающий процесс взаимной подзаковки!

- Вот скажите, в советское время считалось, что актер зрителя должен куда-то вести. Как вы относитесь к этой идее?

- Я всегда считал, что идея кого-то к чему-то звать - это в искусстве абсолютный пропагандистский бред. Любым творческим человеком, человеком театра в частности, движет глубоко эгоистическое стремление выразить себя. Это касается и актёра, и режиссера, и любого человека творчества. Потому настоящий талант никогда не менторствует - он живет азартно, он хулиганит! Талант требует выхода. Если тебе что-то дано, а ты этим не можешь правильно распорядиться, с тобой происходят чудовищные катаклизмы. Так что, по моему глубокому убеждению, артист выходит на сцену для себя. Это не значит, что ты не замечаешь людей, которые приходят на твой спектакль по пять-шесть раз. Но это безусловно значит, что не публичный успех, а именно внутренний зов дара является первичным. Ведь публика тоже приходит в театр с эгоистическим стремлением получить удовольствие на оплаченную сумму. У актёра со зрителем происходит как бы встреча двух эгоизмов. Поединок: кто кого. Или ты будешь показывать то новое и непривычное, что считаешь нужным, или зритель тебя победит, и ты начнешь работать в привычном для него, не требующем напряженного соучастия образе...

Акт второй

- Видели "Черного монаха" в ТЮЗе? Понравилось? Правда? Это очень сложная и значимая для меня работа. Поскольку мы играем не пьесу, а целиком рассказ Чехова со всеми отступлениями, описаниями, характеристиками героев и т. д. Замечательная находка режиссера Камы Гинкаса. Пьесу играть проще. Там перед тобой текст персонажа. А здесь ты как бы одновременно и персонаж, и некто рядом с ним. При этом это не художественное чтение, а именно спектакль, где проза как бы попадает на самочувствие героя. Ты произносишь пять страниц авторского текста с описаниями птичек и березок, но это не считается как литература, как рассказ... Это очень сложный жанр, очень. Потом, я никогда не играл в маленьких залах. Я люблю большие сцены. Вот вы были в Александринке?

- Конечно!

- А на сцене? Там потрясающая сцена! Царская. Высокая. Выходишь - и глаза упираются не в партер, как обычно, а прямо в царскую ложу. Партер где-то там, внизу, в темноте, а ты, глаза в глаза, смотришь вверх. И тебя это поднимает, совершенно на другую ноту настраивает...

- Расскажите, как вы поняли, что вы - актер?

- Я просто всю жизнь фантазировал. И свои фантазии разыгрывал. Мама целый день была на работе - она растила меня одна, - вот я и играл. Создавал такие ситуации, где был одновременно судьей, критиком, участником и публикой. Например, устраивал спортивные состязания. Я выступал сразу за несколько команд, сам объявлял результаты, очень строго выставлял всем оценки... Я - судья - объявлял победу, потом меня - победителя - награждали на пьедестале, и тут раздавался рев стадиона. Не хлопки, хлопки - это все-таки пошло. У меня звучали голоса. Вот так: ш-ш-ш-ш...

Акт третий

- Расскажите, какой вы в работе с режиссерами. Они ведь как обычно любят отношения строить: я - умный режиссер, а ты - глупый актер.

- На сцене актер имеет огромное преимущество перед режиссером. Режиссер может биться, а актер потом выйдет на сцену и все равно сделает все, что ему угодно. Ведь в конечном итоге все равно я, Сергей Маковецкий, остаюсь один на один со зрителем. Но мне везет, я работаю с лучшими режиссерами, и это, соответственно, позволяет мне находить с ними общий язык. Это особенно важно в кино. Потому что, если в кино ты конфликтуеть - творчески - с режиссером, то потом он все равно сядет за монтажный стол и оставит от твоей работы ровно столько, сколько ему нужно.

- Вы о своих героях говорите так нежно: "мой Иоганн", "мой Макаров", "мой Коврин"! Будто это ваши близкие люди...

- Не будто это близкие люди, а будто это я сам!

- Интересно, вы верите в историю, описанную в фильме "Мания Жизели", где героиня - великая балерина Ольга Спесивцева - начинает себя настолько идентифицировать со своим персонажем, что сходит с ума?

- Да это сплошь и рядом происходит! Не до клиники, но до трагедии в профессии. Актёр, сыгравший Ленина, всю жизнь ощущает себя вождем. Знаменитый актер, между прочим. Но если актерство можно вообще назвать нормой, то норма - это когда актер все-таки отъединен от персонажа. Есть школы, позволяющие три спектакля подряд умирать на сцене, чтобы на лбу при этом ни испарины. Хотя все-таки это не русская театральная школа. У нас умирают по-настоящему...

Эпилог

- ...Это сложно понять со стороны, наверное. Актриса, у которой завтра будут хоронить сына - единственного, любимого! - идет накануне играть веселый водевиль. Это со стороны кажется кошунственным, да? А мне как актеру это даже объяснять не нужно. Потому что я понимаю: в тот момент, когда она выходит на сцену, она защищена от жизни. Она... как бы сказать?.. под наркозом профессии находится. Под обезболиванием. Потом, когда опустится занавес и стихнет зал, на нее все равно нахлынет горе. В конечном итоге от жизни не уйдешь никуда... Но это будет потом. А пока я на сцене - я не боюсь смерти. Я ничего вообще не боюсь, все я могу, и мне ничего, ничего в этом мире не страшно...

Мария ВАРДЕНГА

255